

закончил свой труд между 1214—1219 гг., например: „где что чюа“ (1141 г., Об. 55), „Ярославца“ (Лавр. „Ярослава“, 1138 г., Об. 54), „съ Мьстиславцемъ“ (Лавр. „съ Мстиславом“, 1168 г., Об. 76). Одинаковы на всем пространстве летописи и явления, отражающие фонетику: „у“/„в“: „у море Варяжское“ (Об. 1), „узяти“ (Об. 9, 18), „узьяль“ (Об. 10), „уси“ (Об. 39), „в них“ (= у них, Об. 4), „в нас“ (= у нас, Об. 12), „невпредиве“ (Об. 49), „въмираеть“ (Об. 24), „в вустьхъ“ (Об. 50), „у Києве“ (Об. 67, см. „у Києвь“ Об. 12), „у Суждали... у мале дружине“ (Об. 75), „у стеغو“ (Об. 79), „у Переяслави“ (Об. 107), „вась удалъ мне“ (Об. 110), „въ святого Спаса“ (Об. 80), „просяче в него“ (Об. 104); „и“/„ѣ“ „укротъ“ (Об. 29), „улюбѣль“ (Об. 71); „и“/„ы“: „нине“ (Об. 2, 4), „омився“ (Об. 83);¹ „-чы-“, „-шы-“, „-сы“: „въ Янчине“ (Об. 80), „бывшыжъ“ (Об. 49), „в своихъ“ (Об. 56, 57); „-ры“: „створы“ (Об. 40); „ц“/„ч“: „царичина“ (Об. 29), „Куцковиць“ (Об. 83), „черньча“ (Об. 106); „з(с)“/„из(ис)“: „зъ замориа“ (Об. 16), „сторикъ“ (Об. 19), „с под кожи“ (Об. 47), „ида с Смоленьска“ (Об. 76); местн. п. ед. ч. „-у“, „-ю“: „в Полотецю“ (Об. 5), „в войску“ (Об. 29), „в Пин(ь)ску“ (Об. 35, дваж.), „у Курьску“ (Об. 54), „въ Смоленску“ (Об. 86); „есмо“: „дали есмо“ (Об. 34), „отдали есмо“ (Об. 42), „есмо целовали“ (Об. 66).² „а“/„о“: „а“, „я“/„е“: „ахабивъ“ (Об. 14), „аканнный“ (Об. 40), „раздвала“ (Об. 86);³ „Мря жа“ (т. е. Мря же, Об. 2), „та же речъ“ (Об. 18), „Дервяляне“ (Об. 2) при „Дервяляв“ (Об. 4), „тача“ (= таче, Об. 24), „Ерослава“ (Об. 32), „пртиву мачясе“ (Об. 69, дваж.), „повезаша“ (Об. 89), „Рязань... Резань“ (Об. 100), „в Ръзани... Рязаню“ (Об. 108). Вероятно, как эти явления лексики, так и явления говора в особенности, не принадлежат здесь одному времени, а также не относятся к одной местности. Но, повидимому, большинство их (основной слой?) относится к юго-западной области и частью восходит именно к XIII в.

Что и над второй частью летописи работал Галицко-Волынский редактор, видно из следующих примеров: 1153 г. „и изима Изяславъ множество Галичанъ“, Галичан вм. Лавр. „ксолдникъ“; 1172 г. „посла Андреи Романа Мьстиславича“, Мьстиславича вместо правильного „Ростиславичя“ (Лавр.), Романом же Мстиславичем звался Галицкий князь, убитый ляхами в 1205 г. Далее, жители г. Торжка (Лавр. „Новоторжьци“, „Новгородци“) под 1178 и 1182 гг. названы „Трьчане“ и „Трьчаны“ потому, что Галичанину-Волынцу XIII в. был знакоме город в Южной Руси, подобнозвучный по наименованию: „Торчевъ“, „Торчевский“, „Торчский“, где не раз сражался Даниил Романович, наделяя притом князей этим городом: Ипат. 1231 г. „Даниль же изъ Руской земля взя себе часть Торцький, и паки да и детемъ Мьстиславимъ, шюрятомъ своимъ, рекъ имъ: за отца вашего добродееанье примете и держите Торцький градъ“; *ibid.*: „исполчивъ полкы свои поиде ко Торчеву... бе бо Торцьвьскы въ субботу великую“; Ипат. 1234 г. „Сретевшим же ся воемъ многимъ Половецкимъ у Торчьского, бысть сеча люта. Данилови же гонящу по Половцехъ“...

Итак, и 1-я часть „Летописца“ (Повесть временных лет с добавлением) и 2-я его часть (1138—1219 гг.), очевидно, спаяны в Галицко-Волынской области, причем 1-я часть в своей основе, сходной с Ипатьевской, издревле бытовала в этой области, а вторая часть пришла в эту область из Переяславе-Суздальской. Эта вторая часть, по нашему убеждению, начиналась Повестью временных лет типа Лаврентьевского

¹ „белимъ трети“ (Об. 3) сомнительно, при „белиломъ терти“ другого списка Летописца (Никифоровского).

² „Есмо“ есть и в Александрии по Архив. сп. (В. М. Истрин, стр. 25, 112).

³ „А“/„о“ в иностранных словах не приводим.